

От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма

Д.С. Григорьев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4511-7942
Для контактов. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Актуальность. Патриотическое воспитание проводится во многих странах, являясь неотъемлемой частью процесса социализации молодого поколения. В то же время, патриотизм часто используется авторитариями для сохранения власти и тотального контроля государства над всеми аспектами общественной и частной жизни. Какова социально-психологическая сторона этого возможного превращения?

Цель. Целью проведенного исследования была проверка модели взаимосвязи патриотизма, национализма, правого авторитаризма и политического тоталитаризма, а также рассмотрение роли коллективного нарциссизма в этих взаимосвязях. Мы выдвинули гипотезы, что патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом, данная связь медируется национализмом и авторитаризмом правого толка, при этом патриотизм и национализм связаны только при условии высокого уровня коллективного нарциссизма (т.е. коллективный нарциссизм демонстрирует эффект модерации).

Описание хода исследования. Исследование роли коллективного нарциссизма для взаимосвязи патриотизма, национализма, правого авторитаризма и политического тоталитаризма проводилось на гендерно сбалансированной выборке жителей России (N — 232) в возрасте от 16 до 61 года (M — 28,5; SD — 10,2) в 2018 г. Для измерения использовались надежные и валидные инструменты: культурный патриотизм и национализм (Григорян 2013; Григорян, Лепшокова, 2012), коллективный нарциссизм (Golec de Zavala et al., 2009), авторитаризм правого толка (Bizumic, Duckitt, 2018).

Применялся кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса. Данные были собраны в 2018 г. с помощью онлайн-анкетирования, проведенного независимой коммерческой исследовательской компанией, в результате опроса их собственной панели респондентов.

Опрос проводился с применением различных Шкал Ликерта. Все шкалы, которые не были до этого переведены на русский язык, были адаптированы методом двойного перевода и когнитивного интервью с использованием техники “think-aloud” (Batkhina, Grigoryev, 2019).

Результаты. Выдвинутые гипотезы подтвердились. Было установлено, что (1) патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом: национализм и авторитаризм опосредовали взаимосвязь между патриотизмом и тоталитаризмом, а национализм — между патриотизмом и авторитаризмом; (2) патриотизм положительно связан с национализмом только при условии высокого уровня коллективного нарциссизма; (3) национализм положительно связан с авторитаризмом и тоталитаризмом, а авторитаризм — с тоталитаризмом.

Выводы. Коллективный нарциссизм может отражать процесс компенсации низкой самооценки и отсутствия контроля над своей жизнью у людей, порождающий веру в возвышенный образ интрогруппы и ее право на особое признание. Впоследствии это помогает использовать патриотизм в качестве основы для поддержки политического тоталитаризма. Национализм и авторитаризм в этом процессе могут нести инструментальную функцию, выступая в качестве определенных стратегий для реализации мотивационной направленности, задаваемой коллективным нарциссизмом.

Ключевые слова: политический тоталитаризм, патриотизм, коллективный нарциссизм, национализм, авторитаризм правого толка, политическая идеология, социофункциональный подход.

Для цитирования: Григорьев Д.С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 3 (39). — С. 48–60. doi: 10.11621/npj.2020.0404

Поступила 15 сентября 2020 / Принята к публикации: 9 октября 2020

From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism

Dmitry S. Grigoryev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4511-7942

Corresponding autor. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Background. Patriotic education is carried out in many countries, being an integral part of the process of socialization of the younger generation. At the same time, patriotism is often used by autocracies to maintain power and total state control over all aspects of public and private life. What is the socio-psychological aspect of this possible transformation?

Objective. The aim of the study was to test the model of the relationship between patriotism, nationalism, right-wing authoritarianism and political totalitarianism, as well as to examine the role of collective narcissism in these relationships. We hypothesized that patriotism is not directly related to totalitarianism, this connection is mediated by nationalism and right-wing authoritarianism, while patriotism and nationalism are connected only under the condition of a high level of collective narcissism (i.e., collective narcissism demonstrates the effect of moderation).

Design. The study of the role of collective narcissism in the relationship between patriotism, nationalism, right-wing authoritarianism and political totalitarianism was carried out in 2018 on a gender-balanced sample of residents of Russia (N = 232) aged 16 to 61 (M = 28.5; SD = 10.2). Reliable and valid tools were used for measurements: cultural patriotism and nationalism (Grigoryan 2013; Grigoryan, Lepshokova, 2012), collective narcissism (Golec de Zavala et al., 2009), right-wing authoritarianism (Bizumic, Duckitt, 2018). A cross-sectional single-sample correlation design was applied using data from a socio-psychological survey. The data was collected in 2018 through an online survey conducted by an independent commercial research company as a result of a survey of their own panel of respondents.

The survey was conducted using various Likert scales. All scales that had not previously been translated into Russian were adapted by double translation and cognitive interviews using the “think-aloud” technique (Batkina, Grigoryev, 2019).

Results. The hypotheses that were put forward were confirmed. It was found that (1) patriotism is not directly related to totalitarianism: nationalism and authoritarianism mediated the relationship between patriotism and totalitarianism, and nationalism mediated the relationship between patriotism and authoritarianism; (2) patriotism is positively associated with nationalism only if the level of collective narcissism is high; (3) nationalism is positively associated with authoritarianism and totalitarianism, and authoritarianism with totalitarianism.

Conclusions. Collective narcissism may reflect the process of compensating for low self-esteem and lack of control over their lives in people, and generate belief in an exalted image of the in-group and its right to special recognition. Subsequently, this helps to use patriotism as a basis for supporting political totalitarianism. Nationalism and authoritarianism can carry an instrumental function in this process acting as certain strategies for the implementation of the motivational orientation set by collective narcissism.

Key words: political totalitarianism, patriotism, collective narcissism, nationalism, right-wing authoritarianism, political ideology, socio-functional approach.

For citation: Grigoryev D.S. (2020). From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], (40) 4, 48–60. doi: 10.11621/npj.2020.0404

Received September 15, 2020 / Accepted for publication: October 9, 2020

Введение в проблему

Патриотизм часто используется авторитариями для сохранения власти, поэтому он совместно, например, с политикой милитаризации, репрессиями и т.п. в крайнем своем проявлении трансформируется в тоталитаризм (Ильясов, 2018). Какова социально-психологическая сторона этого возможного превращения? Само по себе патриотическое воспитание не является чем-то характерным только для авторитарных режимов и осуществляется во многих странах (Costa, 2020; Hanson, O'Dwyer, 2018). В данном исследовании анализируется современная социально-психологическая литература с целью рассмотрения взаимосвязи между патриотизмом и тоталитаризмом, а также проводится эмпирически

ально-психологическом ключе), как взаимосвязанного набора установок, убеждений, ценностей с когнитивными, аффективными и мотивационными свойствами подразумевает, что идеология может быть проанализирована с точки зрения ее содержания и функции. То есть, идеология может рассматриваться как имеющая дискурсивную (социально сконструированную) надстройку, так и функциональную (или мотивационную) подструктуру. Функциональная подструктура относится к социальным и психологическим потребностям, целям и мотивам, лежащим в основе конкретной политической идеологии. Существуют, по крайней мере, три основных класса психологических переменных, которые составляют мотивационную подструктуру политической идеологии:

В данном исследовании анализируется современная социально-психологическая литература с целью рассмотрения взаимосвязи между патриотизмом и тоталитаризмом, а также проводится эмпирически тестирование возможной модели их соотношения. В качестве фокальных переменных рассмотренная модель также включает национализм, коллективный нарциссизм и авторитаризм правого толка.

тестирование возможной модели их соотношения. В качестве фокальных переменных рассмотренная модель также включает национализм, коллективный нарциссизм и авторитаризм правого толка. Предполагается, что патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом, данная связь медируется национализмом и авторитаризмом правого толка, при этом патриотизм и национализм связаны только при условии высокого уровня коллективного нарциссизма (т.е. коллективный нарциссизм демонстрирует эффект модерации).

Рассмотрение поддержки населением политического тоталитаризма как определенной идеологии, или (в соци-

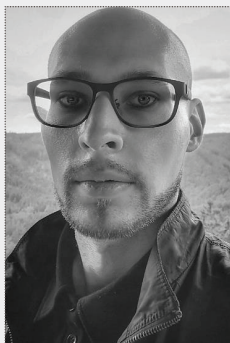
- 1) эпистемологические мотивы, где идеология предлагает определенность;
- 2) экзистенциальные мотивы, когда идеология гарантирует безопасность;
- 3) реляционные мотивы, если идеология обеспечивает солидарность (Jost et al., 2009, 2017).

Далее рассмотрена функциональная направленность фокальных переменных предложенной модели, в том числе с использованием результатов исследований на основе данных из России или близких социально-политических контекстов.

Патриотизм и национализм считаются важными компонентами национальной идентичности (одной из форм социальной идентичности)

(Григорян, 2013; Григорян, Лепшкова, 2012). Традиционно в психологических исследованиях патриотизм и национализм рассматриваются вместе, и до сих пор важным является прояснение содержательной стороны их соотношения (Хухлаев, 2012) и степени идеологической нагруженности (Hanson, O'Dwyer, 2018). Как правило, основным критерием дифференциации между ними принято считать наличие группового сравнения. Если патриотизм представляет собой положительную оценку (обычно гордость) своей национальной группы без учета группового сравнения и убеждений в ее превосходстве, то национализм, помимо этой положительной оценки, включает уже сравнение с другими группами, неотъемлемой частью его являются убеждения в превосходстве и праве доминировать над этими группами (Grigoryan, Ponizovskiy, 2018). Однако это традиционное рассмотрение национализма в аспекте потребности в межгрупповом господстве не очень актуально в современных условиях. Сейчас более важно внешнее признание величия нации, в психологической литературе оно отражено в концепции коллективного нарциссизма, который лучше позволяет понять современный национализм и национальный популизм, а также популярность зачастую проблемных социальных установок и соответствующей политики (Cichocka, Cislak, 2020).

Коллективный нарциссизм — это вера в исключительность ингруппы, которая в недостаточной мере признается другими. Данная убежденность является особой формой «любви к ингруппе», связанной с «ненавистью к аутгруппе» (Golec de Zavala, Lantos, 2020). В отличие от коллективной самооценки (удовлетворенности ингруппой, убежденности в том, что ингруппа имеет значимую ценность и повод для гордости), коллективный нарциссизм связан с предубежденностью, репрессивной межгрупповой агрессией и радостью, вызванной страданиями других людей. Стабильная связь между коллективным нарциссизмом и этой межгрупповой враждебностью обусловлена искаженным восприятием ингруппы как постоянно находящейся под угрозой, а аутгрупп — как враждебных и угрожающих (Golec de Zavala et al., 2009). Притязания на особые права, аутгрупп-

Дмитрий Сергеевич Григорьев — кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0003-4511-7942

<https://www.hse.ru/staff/dgrigoryev>

В отличие от коллективной самооценки (удовлетворенности ингруппой, убежденности в том, что ингруппа имеет значимую ценность и повод для гордости), коллективный нарциссизм связан с преубежденностью, репрессивной межгрупповой агрессией и радостью, вызванной страданиями других людей.

повая враждебность и обида лежат в основе коллективного нарциссизма. Можно использовать любую причину, чтобы утверждать, что ингруппа заслуживает особого признания: экономическая или военная мощь, богатая культура, любовь Бога, даже исключительные страдания. Причины зависят от того, что, по мнению членов группы, положительно отличает их от членов других групп. Люди, которые поддерживают коллективный нарциссизм, явно выражают убеждение, что их группа исключительна, а другие не оценивают ее положительно (Golec de Zavala, Lantos, 2020). Как правило, когда основные индивидуальные потребности не удовлетворены, люди могут обратиться к группе, чтобы, приобщившись к ее имиджу, повысить себе самооценку. В свою очередь, эта легкодоступная групповая стратегия повышения эго мотивирует к поддержке имиджа самой группы как уважаемой остальными и сильной (Cichocka, Cislak, 2020). Утверждение, что низкая самооценка ведет к коллективному нарциссизму, получило сильную эмпирическую поддержку в обширной серии недавних исследований (Golec de Zavala et al., 2020). Коллективный нарциссизм также тесно связан со склонностью к конспирологическим идеям. Среди элит эта склонность приводит к большой популярности теорий заговора в политическом дискурсе (Golec de Zavala et al., 2019). Среди обычного населения коллективный нарциссизм, в его национальном аспекте, связан с готовностью поддерживать заговоры власти, которые могут нанести вред согражданам, или участвовать в них (например, шпионить или скрывать информацию от общественности) (Cichocka, Cislak, 2020).

Авторитаризм правого толка выражает (или поддерживает) мотивационные цели (или ценности) коллективной (или внутригрупповой) безопасности и сплоченности (Duckitt, Sibley, 2010). Авторитаризм правого толка (далее просто авторитаризм) долгое время рассматривается как одномерный конструкт, включающий три аспекта: авторитарную агрессию, авторитарное подчинение и конвенционализм (Altemeyer, 1996). По сути, он представляет собой особый социофункциональный ответ на внешнюю угрозу — стратегию сплочения вокруг лидера, поддержания солидарности конвенциональным путем (чаще через традиционные социальные нормы) и охраны этого порядка посредством жесткого наказания нарушителей (Grigoryev et al., 2020). Поскольку в аспекте конвенционализма авторитаризм сильно зависит от социально-политической обстановки в стране (например, Duriez et al., 2005), то для рассмотрения роли авторитаризма важно учитывать, прежде всего, страны с близкой для России обстановкой. Например, ранее было показано, как воспринимаемая национальная угроза и авторитаризм связаны с поддержкой социалистической тоталитарной идеологии в Хорватии (Šram, Dulić, 2015). Коллективный нарциссизм положительно связан с авторитаризмом, однако, если для авторитаризма решающее значение имеет то, что сплоченность ингруппы обеспечивает порядок и предсказуемость социальной среды (т.е. уменьшает нежелательную когнитивную неопределенность), то для коллективного нарциссизма сплоченность ингруппы, вероятно, подтверждает, что притязания ингруппы на привилегированное положение принимаются единогласно (Golec de Zavala et al., 2019).

Коллективный нарциссизм положительно связан с авторитаризмом, однако, если для авторитаризма решающее значение имеет то, что сплоченность ингруппы обеспечивает порядок и предсказуемость социальной среды (т.е. уменьшает нежелательную когнитивную неопределенность), то для коллективного нарциссизма сплоченность ингруппы, вероятно, подтверждает, что притязания ингруппы на привилегированное положение принимаются единогласно.

Таким образом, все рассматриваемые в предложенной модели фокальные переменные тесно между собой взаимосвязаны. Но какова возможная последовательность этой взаимосвязи? Далее с учетом функциональной направленности данных переменных будет рассмотрена наиболее вероятная роль и место каждой переменной в номологической сети и предложены соответствующие гипотезы.

Проведение исследования

В данном эмпирическом исследовании была проверена модерационная медиационная модель¹ взаимосвязи патриотизма, национализма, правого авторитаризма и политического тоталитаризма, а также рассмотрена роль коллективного нарциссизма в формировании этих взаимосвязей.

1. Отправной точкой в модели является патриотизм в аспекте гордости за страну в культурной сфере. Именно культурный патриотизм связан с политизацией культуры в начале 2010-х гг. в России (Grigoryan, Ponizovskiy, 2018). Во многом эта направленность сохраняется и по сей день. Сама по себе гордость за страну сопровождает тоталитаризм. Сложно представить активную поддержку политического тоталитаризма населением, когда государство контролирует все аспекты жизни, и при этом имеет место низкий уровень патриотизма в обществе. Однако в отсутствие определенной мотивированной направленности так же сложно представить, что патриотизм напрямую приводит к тоталитаризму. Предполагается, что процесс этой трансформации опосредован национализмом и авто-

¹ Простая модерационная модель — это способ проверить, регулирует ли третья переменная (модератор) направление или силу взаимосвязи между независимой и зависимой переменной. Простая медиационная модель — это способ проверить, опосредует ли третья переменная (медиатор) взаимосвязь между независимой и зависимой переменной. В обоих случаях оценка может осуществляться как для корреляционных, так и для причинных связей между переменными. Комплексные модерационные медиационные модели различным образом сочетают эти два принципа простых моделей, при этом модераторов и медиаторов может быть несколько.

ритаризмом. Сходную логику можно использовать для предсказания связи патриотизма и авторитаризма.

Гипотеза 1. Патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом — национализм и авторитаризм полностью опосредуют взаимосвязь между патриотизмом и тоталитаризмом.

Гипотеза 2. Патриотизм напрямую не связан с авторитаризмом — национализм полностью опосредуют взаимосвязь между ними.

2. Национализм и коллективный нарциссизм делают независимые предсказания межгруппового поведения, поскольку задействуют различные механизмы, лежащие в основе межгрупповой враждебности (Golec de Zavala et al., 2019). Коллективный нарциссизм является основой популистской риторики (Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala et al., 2019). Исходя из того, что сама по себе гордость за страну является нейтральной (т.е. в патриотизме отсутствует элемент группового сравнения), можно утверждать, что именно мотивационная направленность коллективного нарциссизма (т.е. необходимость в решении проблем с самооценкой посредством принадлежности к группе) приводит к поддержке национализма как одной из стратегий преувеличения и утверждения позитивного имиджа группы. Таким образом, культурный патриотизм может быть связан с национализмом только в сочетании с коллективным нарциссизмом.

Гипотеза 3. Патриотизм положительно связан с национализмом при условии высокого уровня коллективного нарциссизма и не связан с национализмом при условии низкого уровня коллективного нарциссизма.

3. Взаимосвязи между национализмом, авторитаризмом и тоталитаризмом хорошо описаны (например, Angraini et al., 2014; Bizumic, Duckitt, 2018; Osborne et al., 2017; Salfate, Ayala, 2020). Национализм и авторитаризм достаточно надежно предсказывают оправдание социальной системы (Salfate, Ayala, 2020), и таким обра-

зом они могут использоваться для оправдания и тоталитаризма. Еще Э. Фромм, новатор в области психологии тоталитаризма, утверждал, что люди стремятся «убежать от свободы» через авторитаризм во времена неопределенности и угроз (Altemeyer, 1996). Авторитаризм по праву можно считать одной из основных стратегий поддержания сплоченности и порядка в тоталитарном обществе, а национализм важным компонентом его идеологии.

Гипотеза 4. Национализм положительно связан с авторитаризмом.

Гипотеза 5. Национализм положительно связан с тоталитаризмом.

Гипотеза 6. Авторитаризм положительно связан с тоталитаризмом.

Проверяемая модель изображена на рис. 1. В качестве ковариатов в тестируемой модели также учитывались: символическая угроза, просмотр ТВ, религиозность и социодемографические переменные (пол, этническая группа, принадлежность к религии, уровень образования, статус студента). Внешние угрозы — это основная причина развития авторитаризма, и именно символическая угроза является удобным инструментом для идеологической поляризации («Мы против Них») (Batkina, 2020; Duckitt, Sibley, 2010; Mashuri et al., 2016; Šram, Dulić, 2015). Телевидение традиционно считается основным источником пропаганды, в том числе посредством выстраивания образа внешних врагов и формирования символической угрозы. Связь между религиозностью и авторитаризмом также довольно хорошо изучена (Altemeyer, 1996). Наконец, в данном случае учет социодемографических переменных тоже важен, поскольку они могут выступать в качестве прокси для оценки эффектов особенностей социализации, которые напрямую не были измерены в настоящем исследовании.

Итак, целью данного исследования является проверка модели взаимосвязи фокальных переменных, а также рассмотрение роли коллективного нарциссизма в формировании этих взаимосвязей.

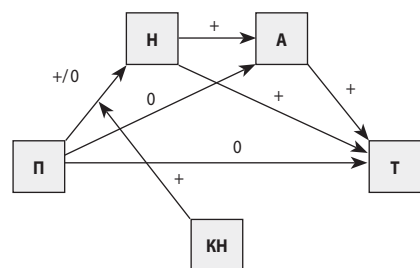

Рис. 1. Гипотезы проверяемой модерационной медиационной модели

Обозначения: П — патриотизм, Н — национализм, КН — коллективный нарциссизм, А — авторитаризм, Т — тоталитаризм.

Figure 1. Hypotheses of the tested moderation mediation model

Designations: P — patriotism, N — nationalism, CN — collective narcissism, A — authoritarianism, T — totalitarianism.

взаимосвязей. Предполагается наличие механизма, в котором патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом, а эта связь медируется национализмом и авторитаризмом правого толка, при этом патриотизм и национализм связаны только при условии имеющегося высокого уровня коллективного нарциссизма (т.е. коллективный нарциссизм демонстрирует эффект модерации).

Участники. Общую гендерно сбалансированную выборку составили 232 человека: 47,8% женщин и 52,2% мужчин в возрасте от 16 до 61 года ($M = 28,5$; $SD = 10,2$). 36,2% из них были студентами, 86% — русские, 31,9% — православные, а 51,4% имели высшее образование.

Процедура. Применялся кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса. Данные были собраны в 2018 г. с помощью онлайн-анкетирования, проведенного независимой коммерческой исследовательской компанией, в результате опроса их собственной панели респондентов за денежное вознаграждение.

Инструменты. Все шкалы, которые не были до этого переведены на русский язык, были адаптированы методом двойного перевода и когнитивного интервью с использованием техники “think-aloud” (Batkina, Grigoryev, 2019). Коэффициенты внутренней согласованности для текущего исследования представлены в скобках. Ответы оцениваются таким образом,

Целью данного исследования является проверка модели взаимосвязи фокальных переменных, а также рассмотрение роли коллективного нарциссизма в формировании этих взаимосвязей. Предполагается наличие механизма, в котором патриотизм напрямую не связан с тоталитаризмом, а эта связь медируется национализмом и авторитаризмом правого толка.

что более высокие баллы указывают на более сильное одобрение концепции/утверждения.

Зависимая переменная

Тоталитаризм. Использовались 4 пункта с 7-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен), направленные на оценку степени одобрения политического тоталитаризма ($\alpha = 0,77$). Данная методика была специально разработана для оценки тоталитарной социалистической идеологии в посткоммунистических обществах (Štam, Dulić, 2015). Пример пунктов: «Мы нуждаемся в сильных спецслужбах, способных прослушивать телефоны, проверять и контролировать состояние банковских счетов, а также предпринимать любые необходимые действия для защиты от врагов государства и иностранных шпионов».

Независимые переменные

Патриотизм. Использовались 5 пунктов с 4-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — совсем не горжусь до 4 — очень горжусь), направленные на оценку культурного патриотизма ($\alpha = 0,77$) в аспекте гордости за страну (Григорян, 2013; Григорян, Лепшокова, 2012). Респондентов спрашивали, в какой мере они гордятся, например, российской историей, достижениями в спорте, в области литературы и искусства.

Национализм. Использовались 4 пункта с 7-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен), направленные на оценку национализма ($\alpha = 0,86$) (Григорян 2013; Григорян, Лепшокова, 2012). Примеры пунктов: «Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран», «Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права».

Коллективный нарциссизм. Использовались 9 пунктов с 7-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен), направленные на оценку коллективного нарциссизма ($\alpha = 0,93$) (Golec de Zavala et al., 2009). Русскоязычный перевод был взят непосредственно у авторов, однако сопровождался

дополнительной инструкцией: «Подумайте о положении России и граждан России в мире». Примеры пунктов: «Истинную ценность России часто не понимают», «Я действительно расстраиваюсь, когда люди не замечают достижения России».

Авторитаризм. Использовались 6 пунктов с 7-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен), направленные на оценку авторитаризма правого толка ($\alpha = 0,82$) из специально разработанной короткой методики, полностью охватывающей все аспекты авторитарного подчинения (или консерватизма), конвенционализма (или традиционализма) и авторитарной агрессии (Bizumic, Duckitt, 2018). Примеры пунктов: «Нет ничего предосудительного в добрых сексуальных связях», «Все, что нужно России — это дисциплина и единство, с которыми мы последуем за нашим лидером».

Ковариаты

Символическая угроза. Использовались 6 пунктов с 7-балльной шкалой ответов Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен), направленные на оценку символической угрозы со стороны стран Запада ($\alpha = 0,86$) (Mashuri et al., 2016), сопровождающиеся инструкцией: «Многие люди выражают обеспокоенность касательно сегодняшних отношений России с Западом и их дальнейших перспектив. Оцените, насколько Вы согласны с утверждениями, отражающими некоторые опасения». Примеры пунктов: «Западные ценности противоречат российским», «Существует возможность того, что ценности и культура Запада продолжают подменять и ослаблять культуру России».

Просмотр ТВ. Респондентов просили указать по 7-балльной шкале ответов Ликерта (от 1 — никогда до 7 — больше чем 2 часа каждый день), как часто они смотрят телевизор вообще и новостные и политические передачи, в частности (напр., «Время», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Вести», «Время покажет», «Вести недели» с Дмитрием Киселевым» и т.д.) ($\alpha = 0,77$). (Batkhina, Grigoryev, 2019).

Религиозность. Для оценки религиозности респондентов использо-

вался один вопрос из Европейского социального исследования (ESS): «Независимо от того, исповедуете Вы какую-либо религию/вероисповедание или нет, насколько верующим/верующей Вы себя считаете?» (от 0 — совсем не верующий(ая) до 10 — очень верующий(ая)) (European Social Survey ..., 2016).

Социодемографические переменные. В анкете респонденты указывали возраст, пол, этническую группу, принадлежность к религиозной конфессии, уровень образования, и являются ли они в настоящий момент студентами.

Сбор данных

Был проведен скрининг данных, включая проверку выбросов и пропущенных данных. Для расчета семичастных корреляций, которые позволяют оценить количество уникальной дисперсии в связях между переменными, использовалась программная среда R. Для сравнения средних значений применялся множественный дисперсионный анализ. Для проверки тестируемой модерационной медиационной модели использовался плагин PROCESS macro версии 3.0 для SPSS (Hayes, 2018). Для оценки модели использовался установленный по умолчанию размер псевдовыборок бутстреппинга равный 5000, для создания интеракции между переменными они были центрированы. Применялся робастный к гетероскедастичности подход к оценке стандартных ошибок Хьюбера-Уайта. Анализ наклонов линии регрессии осуществлялся для условий на 16-м и 84-м процентилях распределения модератора, а также применялась техника по фиксации уровня модератора Джонсона-Неймана.

Результаты

Предварительный анализ

Основываясь на показателях расстояния Махаланобиса, расстояния Кука и значения леввериджа не было выявлено выбросов в данных, которые необходимо было бы исключить из дальнейшего анализа. Все шкалы имели приемлемую внутреннюю согласованность, альфа Кронбаха (α) на

Таблица 1. Описательные статистики и различия по группам ($N = 232$)

Переменные	$M (SD)$	Пол			Этническая группа			Принадлежность к религии			Студенты		
		Мужчины	Женщины	η^2	Русские	Другая	η^2	Да	Нет	η^2	Да	Нет	η^2
Фокальные переменные													
Тоталитаризм	2,46 (1,24)	2,48	2,61	0,01	2,45	2,64	0,01	2,87	2,22	0,07***	2,34	2,74	0,03*
Патриотизм	2,76 (0,73)	2,56	3,00	0,10***	2,83	2,73	0,01	2,98	2,57	0,08***	2,77	2,79	0,01
Национализм	2,85 (1,47)	2,58	3,16	0,04**	2,96	2,78	0,01	3,39	2,35	0,12***	2,73	3,01	0,01
Коллективный нарциссизм	3,56 (1,43)	3,38	4,07	0,06***	3,68	3,76	0,01	4,23	3,21	0,12***	3,73	3,71	0,01
Авторитаризм	2,60 (1,18)	2,43	2,79	0,03*	2,60	2,62	0,01	2,94	2,29	0,07***	2,33	2,89	0,06***
Основные ковариаты													
Символическая угроза	3,58 (1,40)	3,56	3,92	0,02*	3,57	3,92	0,01	4,16	3,32	0,09***	3,50	3,98	0,03**
Просмотр ТВ	2,52 (1,50)	2,27	2,75	0,03*	2,52	2,50	0,01	2,86	2,17	0,05**	2,20	2,83	0,04**
Религиозность	4,25 (2,99)	3,92	4,91	0,04**	4,68	4,16	0,01	6,19	2,64	0,35***	4,18	4,65	0,01

Примечание: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Table 1. Descriptive statistics and group differences ($N = 232$)

Variables	$M (SD)$	Gender			Ethnic group			Belonging to religion			Students		
		Men	Women	η^2	Russians	Other	η^2	Yes	No	η^2	Yes	No	η^2
Focal variables													
Totalitarianism	2,46 (1,24)	2,48	2,61	0,01	2,45	2,64	0,01	2,87	2,22	0,07***	2,34	2,74	0,03*
Patriotism	2,76 (0,73)	2,56	3,00	0,10***	2,83	2,73	0,01	2,98	2,57	0,08***	2,77	2,79	0,01
Nationalism	2,85 (1,47)	2,58	3,16	0,04**	2,96	2,78	0,01	3,39	2,35	0,12***	2,73	3,01	0,01
Collective narcissism	3,56 (1,43)	3,38	4,07	0,06***	3,68	3,76	0,01	4,23	3,21	0,12***	3,73	3,71	0,01
Authoritarianism	2,60 (1,18)	2,43	2,79	0,03*	2,60	2,62	0,01	2,94	2,29	0,07***	2,33	2,89	0,06***
Key covariates													
Symbolic threat	3,58 (1,40)	3,56	3,92	0,02*	3,57	3,92	0,01	4,16	3,32	0,09***	3,50	3,98	0,03**
Watching TV	2,52 (1,50)	2,27	2,75	0,03*	2,52	2,50	0,01	2,86	2,17	0,05**	2,20	2,83	0,04**
Religiousness	4,25 (2,99)	3,92	4,91	0,04**	4,68	4,16	0,01	6,19	2,64	0,35***	4,18	4,65	0,01

Note: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа ($N = 232$)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8
Фокальные переменные								
1. Тоталитаризм	–	–0,01	0,15*	0,17*	0,22***	0,21**	0,04	0,01
2. Патриотизм	0,45***	–	0,23***	0,33***	0,07	–0,02	0,11	0,04
3. Национализм	0,60***	0,64***	–	0,40***	0,21**	0,03	0,09	0,01
4. Коллективный нарциссизм	0,58***	0,66***	0,73***	–	–0,08	0,16*	0,04	0,09
5. Авторитаризм	0,60***	0,47***	0,60***	0,51***	–	0,38***	0,16*	0,05
Основные ковариаты								
6. Символическая угроза	0,58***	0,43***	0,54***	0,54***	0,65***	–	0,02	0,06
7. Просмотр ТВ	0,38***	0,41***	0,45***	0,42***	0,45***	0,37***	–	0,14*
8. Религиозность	0,26***	0,29***	0,31***	0,33***	0,30***	0,29***	0,30***	–

Примечание: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Table 2. Results of correlation analysis ($N = 232$)

Variables	1	2	3	4	5	6	7	8
Focal variables								
1. Totalitarianism	–	–0,01	0,15*	0,17*	0,22***	0,21**	0,04	0,01
2. Patriotism	0,45***	–	0,23***	0,33***	0,07	–0,02	0,11	0,04
3. Nationalism	0,60***	0,64***	–	0,40***	0,21**	0,03	0,09	0,01
4. Collective narcissism	0,58***	0,66***	0,73***	–	–0,08	0,16*	0,04	0,09
5. Authoritarianism	0,60***	0,47***	0,60***	0,51***	–	0,38***	0,16*	0,05
Key covariates								
6. Symbolic threat	0,58***	0,43***	0,54***	0,54***	0,65***	–	0,02	0,06
7. Watching TV	0,38***	0,41***	0,45***	0,42***	0,45***	0,37***	–	0,14*
8. Religiousness	0,26***	0,29***	0,31***	0,33***	0,30***	0,29***	0,30***	–

Note: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

ходила в диапазоне от 0,77 до 0,89, среднее значение составило 0,83, что говорит о достаточной надежности использованных шкал.

Описательные статистики, включающие средние значения и стандартные отклонения, а также результаты дисперсионного анализа для оценки различий по полу, этнической группе, принадлежности к религиозной конфессии и статусу студента представлены в табл. 1.

Между русскими и представителями других этнических групп значимых различий не обнаружено. Средний размер эффекта наблюдался для различий в уровне патриотизма и коллективного нарциссизма по полу (у женщин выше) и авторитаризма у студентов (у них он ниже). Больше же всего различий (как по величине, так и по количеству) наблюдалось между респондентами, принадлежавшими или нет к какой-либо религиозной конфессии (в большинстве случаев православию), они имели более высокий уровень по всем рассмотренным переменным. Кроме того, возраст респондентов был положительно связан со всеми переменными в диапазоне от 0,16 (с патриотизмом) до 0,42 (с просмотром ТВ), в то время как уровень образования имел положительную связь только с национализмом ($r = 0,15$, $p = 0,024$) и религиозностью ($r = 0,17$, $p = 0,009$).

Результаты корреляционного анализа, включающего парные и частные корреляции, представлены в табл. 2.

Все переменные были положительно связаны друг с другом. Точечные оценки коэффициентов парных корреляций находились в диапазоне от 0,26 до 0,73 (связь между тоталитаризмом и религиозностью и между национализмом и коллективным нарциссизмом², соответственно).

² Эта сильная корреляция могла указывать на проблему с дискриминантной валидностью, поэтому для проверки дискриминантности шкал был проведен тест Форнелла–Ларкера (Fornell, Lacker, 1981). Квадратный корень из средней извлеченной дисперсии (AVE) для национализма был равен 0,78, а для коллективного нарциссизма 0,77, при этом оба значения больше, чем коэффициент корреляции между конструктами, следовательно, можно говорить о дискриминантной валидности обоих шкал, они измеряли разные конструкты.

Частные корреляции показывали, что тоталитаризм был положительно связан с авторитаризмом, символической угрозой, коллективным нарциссизмом и национализмом (гипотезы 1, 5, 6). Авторитаризм был также положительно связан с символической угрозой, национализмом и просмотром ТВ (гипотезы 2, 4), а национализм — с патриотизмом и коллективным нарциссизмом (гипотезы 2, 3), который, в свою очередь, был положительно связан с патриотизмом и символической угрозой. Религиозность была связана положительно только с просмотром ТВ.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для модерационной медиационной модели (N = 232)

Переменные	Национализм	Авторитаризм	Тоталитаризм
Фокальные переменные			
Патриотизм	0,25***	0,07	0,11
Национализм	–	0,28**	0,27**
Коллективный нарциссизм	0,44***	–	–
П × КН	0,13**	–	–
Авторитаризм	–	–	0,22*
Ковариаты			
Символическая угроза	0,12*	0,39***	0,23**
Просмотр ТВ	0,06	0,10	0,02
Религиозность	–0,04	0,04	0,06
Возраст	0,08	0,04	0,06
Пол (1 = мужчина, 0 = женщина)	0,04	0,03	0,26**
Этническая группа (1 = русские, 0 = другая)	0,11	0,03	–0,11
Принадлежность к религии (1 = да, 0 = нет)	0,06	0,02	0,09
Образование	0,06	–0,07	–0,04
Статус студента (1 = студент, 0 = нет)	–0,02	–0,23**	–0,01
R ²	0,65	0,55	0,50

Примечание: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Table 3. Results of regression analysis for the moderation mediation model (N = 232)

Variables	Nationalism	Authoritarianism	Totalitarianism
Focal variables			
Patriotism	0,25***	0,07	0,11
Nationalism	–	0,28**	0,27**
Collective narcissism	0,44***	–	–
П × КН	0,13**	–	–
Authoritarianism	–	–	0,22*
Covariates			
Symbolic threat	0,12*	0,39***	0,23**
Watching TV	0,06	0,10	0,02
Religiousness	–0,04	0,04	0,06
Age	0,08	0,04	0,06
Gender (1 = male, 0 = female)	0,04	0,03	0,26**
Ethnic group (1 = Russians, 0 = other)	0,11	0,03	–0,11
Religious affiliation (1 = yes, 0 = no)	0,06	0,02	0,09
Education	0,06	–0,07	–0,04
Student status (1 = student, 0 = not)	–0,02	–0,23**	–0,01
R ²	0,65	0,55	0,50

Note: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

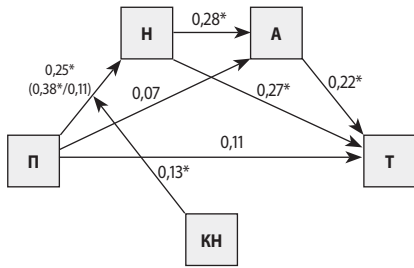

Рис. 2. Результаты проверки модерационной медиационной модели

Обозначения: П — патриотизм, Н — национализм, КН — коллективный нарциссизм, А — авторитаризм, Т — тоталитаризм; * — $p < 0,05$.

Figure 2. Results of checking the moderation mediation model

Designations: P — patriotism, N — nationalism, CN — collective narcissism, A — authoritarianism, T — totalitarianism; * — $p < 0,05$.

ритаризма $F(11, 220) = 33,21, p < 0,001$ и 50% дисперсии тоталитаризма $F(12, 219) = 20,44, p < 0,001$. Таким образом, связанная с предикторами дисперсия объясняемых переменных варьировалась от 50% до 65%, в среднем 57%, что указывало на достаточно сильную связь между предикторами и объясняемыми переменными.

Помимо фокальных переменных, символическая угроза была значимым положительным предиктором всех объясняемых переменных. Кроме того, статус студента был значи-

мым отрицательным предиктором авторитаризма (при фиксированном уровне всех предикторов студенты имели меньший уровень), а пол был значимым положительным предиктором тоталитаризма (при фиксированном уровне всех предикторов мужчины имели больший уровень).

Национализм и авторитаризм были значимыми положительными предикторами тоталитаризма (гипотезы 5, 6), в то время как национализм был также значимым положительным предиктором авторитаризма (гипотеза 4).

Интеракция патриотизма и коллективного нарциссизма была значимым положительным предиктором национализма и связана с дополнительной долей объясняемой дисперсии $F(1, 219) = 7,38, p = 0,007$ (см. также рис. 3).

Анализ наклонов линии регрессии для национализма показал (см. табл. 4), что патриотизм был значимым положительным предиктором национализма при условии высокого уровня коллективного нарциссизма и не имел значимой связи при условии его низкого уровня (гипотеза 3). Применение техники Джонсона-Неймана по фиксированию уровня модератора показывало, что только 21% низких уровней коллективного нарциссизма демонстрировали незначимую связь

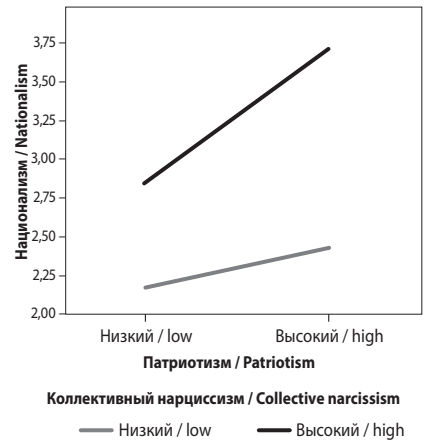

Рис. 3. Наклоны линии регрессии для национализма

Figure 3. Slopes of the regression line for nationalism

патриотизма и национализма, на остальных уровнях распределения модератора положительная связь между этими переменными последовательно снижалась вслед за снижением уровня коллективного нарциссизма.

Прямые эффекты от патриотизма на тоталитаризм ($\beta = 0,11, SE = 0,07, p = 0,142$) и на авторитаризм ($\beta = 0,07, SE = 0,07, p = 0,312$) не были значимыми (гипотезы 1, 2). Непрямые эффекты в зависимости от различных условий для взаимосвязи патриотизма и тоталитаризма показаны в табл. 4.

Таким образом, оценка проверяемой модели показала, что полученные данные согласовывались со всеми выдвинутыми гипотезами исследования.

Таблица 4. Эффект высокого и низкого уровня коллективного нарциссизма для взаимосвязи патриотизма, национализма и тоталитаризма

Предиктор	Условия	Прямой эффект		Непрямой эффект			
		П → Н		П → Н → Т		П → Н → А → Т	
		β	SE	β	SE	β	SE
Патриотизм	Низкий уровень КН	0,11	0,07	0,03	0,02	0,01	0,01
	Высокий уровень КН	0,38*	0,09	0,10*	0,04	0,02*	0,02

Примечание: П — патриотизм, Н — национализм, КН — коллективный нарциссизм, А — авторитаризм, Т — тоталитаризм; * — $p < 0,05$.

Table 4. Effect of high and low levels of collective narcissism on the relationship of patriotism, nationalism and totalitarianism

Predictor	Conditions	Direct effect		Indirect effect			
		P → N		P → N → T		P → N → A → T	
		β	SE	β	SE	β	SE
Patriotism	Low CN level	0.11	0.07	0.03	0.02	0.01	0.01
	High CN level	0.38*	0.09	0.10*	0.04	0.02*	0.02

Note: P — patriotism, N — nationalism, CN — collective narcissism, A — authoritarianism, T — totalitarianism; * — $p < 0.05$.

Заключение

В данном исследовании была изучена взаимосвязь патриотизма, национализма, правого авторитаризма и политического тоталитаризма, а также выявлена роль коллективного нарциссизма для этих взаимосвязей. Результаты полностью поддержали гипотезы, выдвинутые нами на основе предложенной модели. Коллективный нарциссизм может отражать процесс компенсации низкой самооценки индивидов и отсутствия у них контроля над своей жизнью. Это заменяется верой в возвышенный образ ингруппы и ее право на особое признание, что впоследствии помогает властям использовать гордость за страну в качестве основы для поддержки политического тоталитаризма. Национализм и

Коллективный нарциссизм может отражать процесс компенсации низкой самооценки индивидов и отсутствия у них контроля над своей жизнью. Это заменяется верой в возвеличенный образ ингруппы и ее право на особое признание, что впоследствии помогает властям использовать гордость за страну в качестве основы для поддержки политического тоталитаризма.

авторитаризм в этом процессе могут иметь инструментальную функцию, т.е. выступать в качестве определенных стратегий реализации мотивационной направленности, задаваемой коллективным нарциссизмом.

Результаты нашего исследования согласуются с рядом ранее проведенных исследований. Так, представители Франкфуртской школы описывали рост коллективного нарциссизма в Германии после экономического кризиса 1930-х годов, который может служить примером такого процесса. Т. Адорно и Э. Фромм утверждали, что быстрое расширение капитализма и Великая депрессия подорвали традиционные основы, которые люди использовали для поддержания своей самооценки, и коллективный нарциссизм увеличился в этих условиях³. Нечто подобное можно наблюдать и в недавнем прошлом — коллективный нарциссизм был связан с широкой поддержкой популистских политиков и политики после финансового кризиса 2008 года (Golec de Zavala et al., 2019, 2020). На основе результатов, полученных в Хорватии, был сделан аналогичный вывод: чем глубже экономический и моральный кризис в хорватском обществе, тем серьезнее существующая нестабильность. И чем больше будет огромный морально-ценностный вакуум, тем более возможными будет риск появления и принятия ценности политического экстремизма и исторического регресса, даже в форме революционных движений или открытой поддержки политической диктатуры (Šram, Dulić, 2015).

Радикальный национализм в России ослаб во второй половине 2000-х

³ Также коллективный нарциссизм связан с генетически обусловленной гиперчувствительностью к негативным стимулам. Поэтому люди, испытывающие дефицит регуляции отрицательных эмоций, могут особенно тяготеть к коллективному нарциссизму. Это очень похоже на утверждение Т. Адорно и Э. Фромма, что коллективный нарциссизм является ответом на «хрупкость эго» (Golec de Zavala et al., 2020).

годов, однако националистическая идеология стала частью политического мейнстрима. Это может объяснить как положительную связь между национализмом и поддержкой политического режима в России, так и рост популярности националистических взглядов среди населения (Grigoryan, Ponizovskiy, 2018). Последствия кризиса идентичности после распада СССР и текущая неблагоприятная социально-экономическая обстановка в России являются «питательной средой» коллективного нарциссизма и в сочетании с государственной пропагандой в СМИ, направленной на усиление символической угрозы и межгрупповой поляризации, может способствовать усилению поддержки авторитарных тенденций в России. В то же время, в данных условиях может иметь место другая тенденция, во многом гасящая авторитарный сценарий, может быть другая социальная динамика, вызванная относительной депривацией (например, Kunst, Obaidi, 2020).

Вызывает беспокойство, что среди россиян коллективный нарциссизм может быть достаточно выражен. По данным ВЦИОМ на 2017 г. (URL: <https://tass.ru/obschestvo/4121802>) почти три четверти граждан (72%) выразили поддержку введенной в ответ на экономические санкции ряда государств российской продовольственной контрсанкционной политики,

Учитывая корреляционный дизайн исследования, надо отметить, что определение характера связей (медиация и модерация) и их направленности является гипотетическим. Панельное исследование, проведенное в Новой Зеландии, показало, что авторитаризм оказал положительное влияние на национализм и патриотизм, но было найдено мало свидетельств реципрокных перекрестных эффектов (т.е. влияния национализма и патриотизма на авторитаризм).

от которой, по некоторым оценкам, страдает само население России. Эти результаты указывают на характерную черту коллективного нарциссизма — проявление подобной импульсивной реакции в международных отношениях. То есть, если люди считают, что их стране таким образом нанесли оскорбление и обидели, то

необходимо оказывать поддержку принятию любых ответных мер в отношении других государств. Кроме того, согласно результатам данного исследования, в отличие от других фокальных переменных, среднее значение коллективного нарциссизма по выборке ($M = 3,56$, $SD = 1,43$) близко к среднему значению 7-балльной шкалы ответов (4), хотя подобные переменные обычно имеют значительно более низкие уровни.

Наконец, результаты данного исследования показывают сходный паттерн взаимосвязей патриотизма, национализма, авторитаризма и тоталитаризма с полученными данными об взаимосвязи данных переменных в Чили и Перу (Salfate, Ayala, 2020). Учитывая, что эти страны ранее имели опыт правления тоталитарных военных режимов, авторы для объяснения процесса легитимации национальной социальной системы использовали похожую на использованную в нашей статье аргументацию на базе идей теории социальной идентичности А. Тэшфела, но обращаясь при этом напрямую к концепции коллективного нарциссизма. Таким образом, их работу можно считать дополнительным свидетельством в пользу предложенного в данном исследовании механизма.

Ограничения

Как было показано, предложенная модель не противоречит полученным данным, однако она представляет лишь одну из возможных версий описания механизма взаимосвязей фокальных переменных. Учитывая корреляционный дизайн исследова-

ния, надо отметить, что определение характера связей (медиация и модерация) и их направленности является гипотетическим. Панельное исследование, проведенное в Новой Зеландии, показало, что авторитаризм оказал положительное влияние на национализм и патриотизм, но было найдено мало свидетельств реципрокных

перекрестных эффектов (т.е. влияния национализма и патриотизма на авторитаризм) (Osborne et al., 2017)⁴. Панельное исследование, проведенное в Бельгии, так же пыталось проверить влияние авторитаризма на национализм, но не обнаружило этого эффекта. Было выявлено реципрокное положительное влияние авторитаризма на этническую предубежденность и однонаправленное положительное влияние этнической предубежденности на национализм (Angraini et al., 2014). Таким образом, будущие экспериментальные исследования могли бы с большей степенью определенности протестировать гипотетические медиационные и модерационные эффекты и их направленность.

Кроме того, различные комбинации патриотизма и национализма могут указывать на разные типы национальной привязанности с определенными последствиями для социально-политических взглядов (Satherley et al., 2019). Будущие исследования могли бы обратиться к подходу, ориентированному на человека (person-oriented), для группировки респондентов по кластерам или латентным профилям/классам с целью изучения их разли-

⁴ Проверяемая в этом исследовании модель явно рассматривала авторитаризм как предшествующую переменную, а не как следствие национализма и патриотизма. Сами авторы отмечают несколько ограничений для этого исследования, включающие утверждение, что факторы, которые произошли до первого измерения, могли привести к этим результатам, либо третья неизмеренная переменная могла быть связана как с авторитаризмом, так и с национализмом и патриотизмом, что объясняет их ковариацию с течением времени.

Литература:

- Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. — 2013. — Т. 9. — № 3. — С. 22–30.
- Григорян Л.К., Лепшикова З.Х. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян // Социальная психология и общество. — 2012. — Т. 3. — № 2. — С. 5–20.
- Ильясов Ф.Н. Электоральное поведение в авторитарном и демократическом социуме // Социальные исследования. — 2018. — № 1. С. — 1–23.
- Хухлаев О.Е. Психология национализма в зарубежных исследованиях // Социальная психология и общество. — 2012. — Т. 3. — № 4. — С. 15–29.
- Altemeyer B. (1996). *The Authoritarian Specter*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 374 p.
- Angraini Y., Toharudin T., Folmer H., & Oud J.H.L. (2014). The relationships between individualism, nationalism, ethnocentrism, and authoritarianism in Flanders: A continuous time-structural equation modeling approach. *Multivariate Behavioral Research*, 49 (1), 41–53. doi: 10.1080/00273171.2013.836621
- Batkina A. (2020). Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: A study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26 (1), 22–34. doi: 10.1037/pac0000429

чий по данным аспектам. Поскольку для формирования политических взглядов людей и особенностей их участия в политике важна обстановка в стране (Wolak, Dawkins, 2016), дополнительно в будущих исследованиях предстоит выяснить эффекты некоторых характеристик социализации в России, например, связанных с гендерными ролями, религиозным воспитанием и вероисповеданием, студенческим периодом и пр. Можно также больше внимание уделить возможным региональным различиям. Кросс-культурные сравнения, особенно стран с тоталитарным и не тоталитарным недавним прошлым так же могли бы помочь лучше понять специфику связей в модели в зависимости от странового контекста проявляющегося политические и исторические особенности развития каждого региона.

Выводы

Гипотеза 1 была поддержана полностью, патриотизм напрямую не был связан с тоталитаризмом: национализм и авторитаризм полностью опосредовали взаимосвязь между патриотизмом и тоталитаризмом.

Гипотеза 2 была поддержана полностью, патриотизм напрямую не был связан с авторитаризмом: национализм полностью опосредовал взаимосвязь между ними.

Гипотеза 3 была поддержана полностью, патриотизм был положительно связан с национализмом при условии высокого уровня коллективного нарциссизма и не был связан с национализмом при условии низкого уровня коллективного нарциссизма.

Гипотеза 4 была поддержана полностью, национализм был положительно связан с авторитаризмом.

Гипотеза 5 была поддержана полностью, национализм был положительно связан с тоталитаризмом.

Гипотеза 6 была поддержана полностью, авторитаризм был положительно связан с тоталитаризмом.

Полученные результаты могут быть использованы на практике для разработки программ патриотического воспитания. В таких программах важно (1) убрать деструктивные элементы, включающие негативные сравнения с другими национальными группами, групповую поляризацию и символическую угрозу; (2) избегать формирования убеждений о превосходстве, исключительности и праве доминирования над другими группами; (3) включать блок конструктивной работы с самооценкой, элиминирующий групповые стратегии ее повышения, и обучающий техникам саморегуляции отрицательных эмоций.

Информация о грантах и благодарностях

Статья подготовлена по результатам исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Acknowledgments

The article was prepared as a result of research carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).

- Batkhina A., & Grigoryev D. (2019). Authoritarianism in modern Russia. In Poster session presented at the Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference, Georgetown University, Washington, DC.
- Bizumic B., & Duckitt J. (2018). Investigating right-wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale. *Journal of Social and Political Psychology*, 6 (1), 129–150. doi: 10.5964/jssp.v6i1.835
- Cichocka A., & Cislak A. (2020). Nationalism as collective narcissism. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 69–74. doi: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Costa M.V. (2020). Education for civic virtue or patriotism? *Journal of Social Philosophy*, (in press). doi: 10.1111/josp.12364
- Duckitt J., & Sibley C.G. (2010). Personality, ideology, prejudice, and politics: A Dual-Process Motivational Model. *Journal of Personality*, 78 (6), 1861–1894. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x
- Duriez B., van Hiel A., & Kossowska M. (2005). Authoritarianism and social dominance in Western and Eastern Europe: The importance of the sociopolitical context and of political interest and involvement. *Political Psychology*, 26 (2), 299–320. doi: 10.1111/j.1467-9221.2005.00419.x
- European Social Survey (ESS). (2016). ESS 1-7, European Social Survey cumulative file, study description. Bergen, Norway: NSD — Norwegian Centre for Research Data for ESS ERIC.
- Fornell C., & Lacker D. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, 18 (1), 39–50. doi: 10.1177/002224378101800104
- Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., & Jayawickreme N. (2009). Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97 (6), 1074–1096. doi: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., & Lantos D. (2019). Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image. *Political Psychology*, 40 (S1), 37–74. doi: 10.1111/pops.12569
- Golec de Zavala A., Federico C.M., Sedikides C., Guerra R., Lantos D., Mroziński B., ... & Baran T. (2020). Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 119 (3), 741–764. doi: 10.1037/pspp0000260
- Golec de Zavala A., & Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Grigoryan L.K., & Ponizovskiy V. (2018). The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 59 (5–6), 403–427. doi: 10.1177/0020715218806037
- Grigoryev D., Batkhina A., van de Vijver F., & Berry J.W. (2020). Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations. *Journal of International Migration and Integration*, 21 (3), 667–691. doi: 10.1007/s12134-019-00677-w
- Hanson K., & O'Dwyer E. (2018). Patriotism and nationalism, left and right: A Q-methodology study of American national identity. *Political Psychology*, 40 (4), 777–795. doi: 10.1111/pops.12561
- Hayes A.F. (2018). Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Press. 692 p.
- Jost J.T., Federico C.M., & Napier J.L. (2009). Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities. *Annual Review of Psychology*, 60 (1), 307–337. doi: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600
- Jost J.T., Langer M., Badaan V., Azevedo F., Etchezahar E., Ungaretti J., & Hennes E.P. (2017). Ideology and the limits of self-interest: System justification motivation and conservative advantages in mass politics. *Translational Issues in Psychological Science*, 3 (3), 1–26. doi: 10.1037/tps0000127
- Kunst J.R., & Obaidi M. (2020). Understanding violent extremism in the 21st century: The (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 35, 55–59. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010
- Mashuri A., Akhrani L.A., & Zaduqisti E. (2016). You are the real terrorist and we are just your puppet: Using individual and group factors to explain Indonesian Muslims' attributions of causes of terrorism. *Europe's Journal of Psychology*, 12 (1), 68–98. doi: 10.5964/ejop.v12i1.1001
- Osborne D., Milojev P., & Sibley C.G. (2017). Authoritarianism and national identity: Examining the longitudinal effects of SDO and RWA on nationalism and patriotism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43 (8), 1086–1099. doi: 10.1177/0146167217704196
- Salfate S.V., & Ayala R.M. (2020). Nationalism, patriotism, and legitimization of the national social systems. *Revista de Psicología*, 38 (2), 423–450. doi: 10.18800/psico.202002.003
- Satherley N., Yogeewaran K., Osborne D., & Sibley C.G. (2019). Differentiating between pure patriots and nationalistic patriots: A model of national attachment profiles and their socio-political attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 13–24. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.06.005
- Šram Z., & Dulić J. (2015). National threat perception, dominance-submissive authoritarian syndrome and totalitarian socialist ideology. *The International Journal of Humanities and Social Science*, 5 (9–1), 37–51.
- Wolak J., & Dawkins R. (2016). The roots of patriotism across political contexts. *Political Psychology*, 38 (3), 391–408. doi: 10.1111/pops.12363

References

- Altemeyer B. (1996). *The Authoritarian Specter*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 374 p.
- Angraini Y., Toharudin T., Folmer H., & Oud J.H.L. (2014). The relationships between individualism, nationalism, ethnocentrism, and authoritarianism in Flanders: A continuous time-structural equation modeling approach. *Multivariate Behavioral Research*, 49 (1), 41–53. doi: 10.1080/00273171.2013.836621
- Batkhina A. (2020). Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: A study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26 (1), 22–34. doi: 10.1037/pac0000429

- Batkina A., & Grigoryev D. (2019). Authoritarianism in modern Russia. In Poster session presented at the Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference, Georgetown University, Washington, DC.
- Bizumic B., & Duckitt J. (2018). Investigating right-wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale. *Journal of Social and Political Psychology*, 6 (1), 129–150. doi: 10.5964/jssp.v6i1.835
- Cichočka A., & Cislak A. (2020). Nationalism as collective narcissism. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 69–74. doi: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Costa M.V. (2020). Education for civic virtue or patriotism? *Journal of Social Philosophy*, (in press). doi: 10.1111/josp.12364
- Duckitt J., & Sibley C.G. (2010). Personality, ideology, prejudice, and politics: A Dual-Process Motivational Model. *Journal of Personality*, 78 (6), 1861–1894. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x
- Duriez B., van Hiel A., & Kossowska M. (2005). Authoritarianism and social dominance in Western and Eastern Europe: The importance of the sociopolitical context and of political interest and involvement. *Political Psychology*, 26 (2), 299–320. doi: 10.1111/j.1467-9221.2005.00419.x
- European Social Survey (ESS). (2016). ESS 1-7, European Social Survey cumulative file, study description. Bergen, Norway: NSD — Norwegian Centre for Research Data for ESS ERIC.
- Fornell C., & Lacker D. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, 18 (1), 39–50. doi: 10.1177/002224378101800104
- Golec de Zavala A., & Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Golec de Zavala A., Cichočka A., Eidelson R., & Jayawickreme N. (2009). Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97 (6), 1074–1096. doi: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., & Lantos D. (2019). Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image. *Political Psychology*, 40 (S1), 37–74. doi: 10.1111/pops.12569
- Golec de Zavala A., Federico C.M., Sedikides C., Guerra R., Lantos D., Mroziński B., ... & Baran T. (2020). Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 119 (3), 741–764. doi: 10.1037/pspp0000260
- Grigoryan L.K. (2013). Patriotism and nationalism in Russia: Influence on economic independence. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, 9 (3), 22–31. (In Russ.).
- Grigoryan L.K., & Lepshokova Z.K. (2012). The role of national identity and attitudes towards immigrants in economic beliefs of Russians: An empirical model. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, 3 (2), 5–20. (In Russ.).
- Grigoryan L.K., & Ponizovskiy V. (2018). The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 59 (5–6), 403–427. doi: 10.1177/0020715218806037
- Grigoryev D., Batkhina A., van de Vijver F., & Berry J.W. (2020). Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations. *Journal of International Migration and Integration*, 21 (3), 667–691. doi: 10.1007/s12134-019-00677-w
- Hanson K., & O'Dwyer E. (2018). Patriotism and nationalism, left and right: A Q-methodology study of American national identity. *Political Psychology*, 40 (4), 777–795. doi: 10.1111/pops.12561
- Hayes A.F. (2018). Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Press. 692. p.
- Iliassov F.N. (2018). Electoral behavior in authoritarian and democratic society. *Sotsial'nye issledovaniya — Social studies*, 1, 1–23.
- Jost J.T., Federico C.M., & Napier J.L. (2009). Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities. *Annual Review of Psychology*, 60 (1), 307–337. doi: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600
- Jost J.T., Langer M., Badaan V., Azevedo F., Etchezahar E., Ungaretti J., & Hennes E.P. (2017). Ideology and the limits of self-interest: System justification motivation and conservative advantages in mass politics. *Translational Issues in Psychological Science*, 3 (3), 1–26. doi: 10.1037/tps0000127
- Khukhlaev O.E. (2012). Psychology of nationalism in foreign research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, 3 (4), 15–29. (In Russ.).
- Kunst J.R., & Obaidi M. (2020). Understanding violent extremism in the 21st century: The (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 35, 55–59. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010
- Mashuri A., Akhrani L.A., & Zaduqisti E. (2016). You are the real terrorist and we are just your puppet: Using individual and group factors to explain Indonesian Muslims' attributions of causes of terrorism. *Europe's Journal of Psychology*, 12 (1), 68–98. doi: 10.5964/ejop.v12i1.1001
- Osborne D., Milojev P., & Sibley C.G. (2017). Authoritarianism and national identity: Examining the longitudinal effects of SDO and RWA on nationalism and patriotism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43 (8), 1086–1099. doi: 10.1177/0146167217704196
- Salfate S.V., & Ayala R.M. (2020). Nationalism, patriotism, and legitimation of the national social systems. *Revista de Psicología*, 38 (2), 423–450. doi: 10.18800/psico.202002.003
- Satherley N., Yogeewaran K., Osborne D., & Sibley C.G. (2019). Differentiating between pure patriots and nationalistic patriots: A model of national attachment profiles and their socio-political attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 13–24. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.06.005
- Šram Z., & Dulić J. (2015). National threat perception, dominance-submissive authoritarian syndrome and totalitarian socialist ideology. *The International Journal of Humanities and Social Science*, 5 (9–1), 37–51.
- Wolak J., & Dawkins R. (2016). The roots of patriotism across political contexts. *Political Psychology*, 38 (3), 391–408. doi: 10.1111/pops.12363